

Константин Батюшков

НАДЕЖДА

СТИХИ

Москва, 2018

УДК 82.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б28

Батюшков, К.

Б28 Надежда / К. Батюшков. – М.: T8RUGRAM, 2018. – 110 с. – (Голоса).

ISBN 978-5-521-06957-6

Константин Николаевич Батюшков — значительная фигура в истории русской литературы и словесности, являющаяся непосредственным и ближайшим предшественником А.С. Пушкина.

«Надежда» — сборник избранных стихотворений, отличающихся особой пластичностью образов и благозвучностью, столь характерными итальянской поэзии, которую автор считал образцовой и совершенной. Лирика К. Батюшкова несомненно запомнится читателю и позволит услышать несмолкаемый Голос Вечности!

УДК 82.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-06957-6

© T8RUGRAM, 2018

ПЛЕННЫЙ

В местах, где Рона протекает
По бархатным лугам,
Где мирт душистый расцветает,
Склонясь к ее водам,
Где на горах роскошно зреет
Янтарный виноград,
Златый лимон на солнце рдеет
И яворы шумят, —

В часы вечерняя прохлада
Любуясь рекой,
Стоял, склоня на Рону взгляды
С глубокою тоской,
Добыча брани, русский пленный,
Придонских честь сынов,
С полей победы похищенный
Один — толпой врагов.

«Шуми, — он пел, — волнами, Рона,
И жатвы орошай,
Но плеском волн — родного Дона
Мне шум напоминай!
Я в праздности теряю время,
Душою в людстве сир;
Мне жизнь — не жизнь, без славы — бремя,
И пуст прекрасный мир!

Весна вокруг живит природу,
Яснеет солнца свет,
Всё славит счастье и свободу,
Но мне свободы нет!
Шумы, шуми волнами, Рона,
И мне вспоминай
На берегах родного Дона
Отчизны милый край!

Здесь прелесть — сельские девицы!
Их взор огнем горит
И сквозь потупленны ресницы
Мне радости сулит.
Какие радости в чужбине?
Они в родных краях;
Они цветут в моей пустыне,
И в дебрях, и в снегах.

Отдайте ж мне мою свободу!
Отдайте край отцов,
Отчизны вьюги, непогоду,
На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!
Ах! дайте мне коня;
Туда помчит он быстрым бегом
И день и ночь меня!

На родину, в сей терем древний,
Где ждет меня краса
И под окном в часы вечерни;
Глядит на небеса;

О друге тайно помышляет...
Иль робкою рукой
Коня ретивого ласкает,
Тебя, соратник мой!

Шумы, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай,
Но плеском волн – родного Дона
Мне шум напоминай!
О ветры, с полночи летите
От родины моей,
Вы, звезды севера, горите
Изгнаннику светлей!»

Так пел наш пленник одинокий
В виду лионских стен,
Где юноше судьбой жестокой
Назначен долгий плен.
Он пел – у ног сверкала Рона,
В ней месяц трепетал,
И на золотых верхах Лиона
Луч света догорал.

О ПАРИЖСКИХ ЖЕНЩИНАХ

Пред ними истощает
Любовь златой колчан.
Всё в них обворажает:
Походка, легкий стан,
Полунагие руки
И полной неги взор,
И уст волшебны звуки,
И страстный разговор, —
Всё в них очарованье!
А ножка... милый друг,
Она — харит созданье,
Кипридиных подруг.
Для ножки сей, о вечны боги,
Усейте розами дороги
Иль пухом лебедей!
Сам Фидий перед ней
В восторге утопает,
Поэт — на небесах,
И труженик в слезах
Молитву забывает!

25 апреля 1814

ТЕНЬ ДРУГА

*Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.
Propertius¹*

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
И тихий глас ее пловцов увеселял.
Вечерний ветер, валов плесканье,
Однообразный шум, и трепет парусов,
И кормчего на палубе зыванье
Ко страже, дремлющей под говором валов, —
Всё сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила Севера любезного искал.
Вся мысль моя была в воспоминанье
Под небом сладостным отеческой земли,
Но ветров шум и моря колыханье
На вежды томное сомненье навели.
Мечты сменялися мечтами,
И вдруг... то был ли сон?... предстал товарищу мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертию, над плейсскими струями.
Но вид не страшен был; чело
Глубоких ран не сохраняло,
Как утро майское, веселием цвело

---

¹ Души усопших — не призрак: смертью не всё оканчивается; бледная тень ускользает, победив костёр. Проперций (*лат.*)

И всё небесное душе напоминало.
«Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!
Ты ль это? — я вскричал, — о воин вечно милый!
Не я ли над твоей безвременной могилой,
При страшном зареве Беллониных огней,
Не я ли с верными друзьями
Мечом на дереве твой облик начертал
И тень в небесную отчизну провождал
С мольбой, рыданьем и слезами?
Тень незабвенного! ответствуй, милый брат!
Или протекшее всё было сон, мечтанье;
Всё, всё — и бледный труп, могила и обряд,
Свершенный дружбою в твое воспоминанье?
О! молви слово мне! пускай знакомый звук
Еще мой жадный слух ласкает,
Пускай рука моя, о незабвенный друг!
Твою с любовью сжимает...»
И я летел к нему... Но горний дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,
Как дым, как метеор, как призрак полуночи,
И сон покинул очи.

Всё спало вокруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные катилися безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
Но сладостный покой бежал моих очей,
И всё душа за призраком летела,
Всё гостя горнего остановить хотела:
Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!

Июнь 1814

НА РАЗВАЛИНАХ ЗАМКА В ШВЕЦИИ

Уже светило дня на западе горит
И тихо погрузилось в волны!..
Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит
На хляби и брега безмолвны.
И всё в глубоком сне поморие кругом.
Лишь изредка рыбарь к товарищам взывает,
Лишь эхо глас его протяжно повторяет
В безмолвии ночном.
Я здесь, на сих скалах, висящих над водой,
В священном сумраке дубравы
Задумчиво брожу и вижу пред собой
Следы протекших лет и славы:
Обломки, грозный вал, поросший злаком ров,
Столбы и ветхий мост с чугунными цепями,
Твердыни мшистые с гранитными зубцами
И длинный ряд гробов.

Всё тихо: мертвый сон в обители глухой.
Но здесь живет воспоминанье:
И путник, опершись на камень гробовой,
Вкушает сладкое мечтанье.
Там, там, где вьется плающ по лестнице крутой,
И ветер колышет стебель иссохшия полыни,
Где месяц осребрил угрюмые твердыни
Над спящею водой, —

Там воин некогда, Одена храбрый внук,
В боях приморских поседельи,
Готовил сына в брань, и стрел пернатых пук,

Броню заветну, меч тяжелый
Он юноше вручил израненной рукой,
И громко восклицал, подняв дрожащи длани:
«Тебе он обречен, о Бог, властитель брани,
Всегда и всюду твой!»

А ты, мой сын, клянись мечем своих отцов
И Гелы клятвою кровавой
На западных струях быть ужасом врагов
Иль пасть, как предки пали, с славой!»
И пылкий юноша меч прадедов лобзал
И к персям прижимал родительские длани,
И в радости, как конь при звуке новой брани,
Кипел и трепетал.

Война, война врагам отеческой земли! —
Суда наутро восшумели.
Запенились моря, и быстры корабли
На крыльях бури полетели!
В долинах Нейстрии раздался браней гром,
Туманный Альбион из края в край пылает,
И Гела день и ночь в Валкалу провождает
Погибших бледный сонм.

Ах, юноша! спеши к отеческим брегам,
Назад лети с добычей бранной;
Уж веет кроткий ветер вслед твоим судам,
Герой, победою избранный!
Уж скальды пиршество готовят на холмах.
Зри: дубы в пламени, в сосудах мед сверкает,
И вестник радости отцам провозглашает
Победы на морях.